

Предисловие

Когда-то эта книга называлась «Звездный ветер». Но я почему-то считала, что это название ей не подходит. Однажды молодой человек принес мне кофе в постель. Как в кино, дымящуюся чашку и конфетку в яркой обертке, мою любимую. Утреннее солнце, ароматный кофе, романтика и забота — было приятно, не спорю. Только вот обратная сторона романтической сказки оказалась... прозаичной.

Сначала оглушительно громко работала кофемашина, потом раздался «бздынь!» и следом за ним «блин!» — так погибла кружка из любимого сервиза, потом я обнаружила, что пить кофе с нечищеными зубами совсем невкусно, а вместо конфетки желудок требует хотя бы бутерброд.

Вечером я села и поменяла название файла на «#Золушка в постель». Как кофе в постель: красивая картинка для соцсетей — разочаровывающая реальность. Сказка об удачливой Золушке — непростая жизнь в мире, где ей совсем не рады.

Конечно, это всего лишь красивая история любви. Я вообще предпочитаю писать о любви, потому что писать о ненависти желающих и без меня достаточно. Но еще эта книга о том, что мне бы хотелось прокричать так громко, как только возможно. А автор всегда говорит через своих героев.

Аня Калинина должна понять, что любые отношения требуют работы. Что можно нести свет даже в абсолютной темноте, и вскоре непременно из нее

выбраться. Что не все, кого мы называем друзьями, являются таковыми на самом деле, а некоторые враги могут оказаться самыми близкими людьми. И что не всегда мы такие, как о нас думают люди вокруг.

Игорь Крестовский — это история о том, как меняет людей ответственность за семью. И как сложно эту ответственность принимать. О том, как тяжело сохранять баланс между любовью и строгостью по отношению к тем, кого хочешь защитить.

Самая сложная для меня линия в этой книге — Кристина Крестовская. На первый взгляд она вызывает неприязнь, на второй — презрение. «Нельзя о таком писать!» — первая мысль, которая возникнет, когда вы дойдете до середины девятой главы. Но если дочитаете до конца, то, хочется верить, я сумею вас удивить. И, может, вы если не полюбите ее, то хотя бы поймете.

Потому что история Кристины, она о том, как важно родителям любить своих детей. Что никакие деньги не заменят родительской заботы. Что порой детям не нужно все самое лучшее, им нужно немного тепла. Ну и заботы не только о физическом, но и о ментальном здоровье — оно в случае Крис даже чуть более важно.

Может показаться, что книга — сборник нравоучений от автора, но нет. В первую очередь это сказка о Золушке. Только не той, что сбежала с бала в полночь. Здесь вместо феи-крестной — бездушное завещание, вместо принца — совсем не идеальный богач, вместо злобных сестер — избалованные наследники, а вместо превращающейся в карету тыквы страшная тайна прошлого, спустя много лет связавшая судьбы Ани и семьи Крестовских.

Ах да, еще здесь есть Алекс... но, если захотите, его историю я расскажу отдельно, она стоит того.

С любовью к своим читателям, коллегам и команде, давшей «#Золушке» шанс покорить ваши книжные полки.

Анна Веммер

Глава 1

Папа нередко называл меня звездным ветром. За веселый характер, за синие глаза и любовь к блескам. О, я просто обожала эти маленькие мерцающие частички. Они казались приветом из другого мира. Благополучного, сытого, счастливого. Там, где дети носили сверкающие платья, все было иначе, не жели у нас. Но, несмотря на все трудности, я любила это прозвище, и особенно интонацию, с которой его произносил отец. Ласково и тепло.

Уже больше года никто меня так не называл.

Воспоминания, как всегда, накатывают не вовремя. За рулем или пока красишь ресницы. Или когда драишь унитаз в очередном, кажется, десятом по счету, гостиничном номере.

Я трясу головой, чтобы избавиться от накатившей тоски, и иду к тележке за одноразовым шампунем и щетками. Номер блестит, но кому есть до этого дело? Я даже не знаю, заедет ли кто-то сюда сегодня. В голове лишь мысли о том, что вот-вот закончится смена и я упаду в постель без задних ног. О, блаженствует тот, у кого впереди выходной!

— Аня... — слышу я из коридора и узнаю голос Анзурат — еще одной горничной.

Она держится за живот и морщится, будто от боли. Хмурюсь:

— Тебе плохо?

— Да, что-то желудок болит.

Вздыхаю. Анзурат начисто игнорирует все мои попытки объяснить, к чему ведет плохое питание. Я знаю, что она отправляет деньги старенькой маме, но все равно злюсь, потому что теперь мне придется убирать и ее номера.

— Мне остался только люкс, — говорит она. — Поможешь? Смену пополам.

Снова вздыхаю, но знаю, что соглашусь. Не отправлять же ее работать больную, да и лишняя копеечка не помешает. Хоть она и в прямом смысле копеечка, ведь Анзурат платят еще меньше, чем мне.

«Настоящая дискриминация», — думаю я, поднимаясь на двадцать пятый этаж, к люксам и студиям. В огромном штате горничных большинство — приезжие. Такие, как Анзурат, берущиеся за любую работу, чтобы хоть немного денег отправить семье. И такие, как я, — девицы без образования и жилья. Нам хоть и не надо отправлять никому деньги, все равно живется не слишком кучеряво.

Из люкса недавно выехала вполне приличная семейная пара. Кажется, они были туристами из Лондона. В любом случае они оставили номер практически в идеальном состоянии, и я резво берусь за уборку. За окном уже давно стемнело, и на меня смотрит огромная луна. В центре города, где нет заводов и смога, ее видно очень хорошо. Задвигаю шторы: мне немного неуютно в ее свете.

Шумит пылесос, я напеваю под нос какую-то дурацкую песенку, а потому не слышу за своей спиной тяжелые шаги. Ковролин глушит все звуки, и, когда мне на плечо опускается рука, я вскрикиваю и отпрыгиваю в сторону — мне адски страшно. Сердце бухает в груди как сумасшедшее.

— Простите, — говорит незнакомец.

Я выключаю пылесос и украдкой его рассматриваю. Он выше меня на две головы, четко очерченные скулы, темные, почти черные глаза и тонкие губы при-

дают ему немного суровый вид. Наглухо застегнутое драповое пальто идеально: на нем ни пылинки, ни капельки дождя.

— Извините, — почему-то я говорю это почти шепотом.

Он пугает меня. Пугает пристальным взглядом, пугает видом. Один мир вдруг столкнулся с другим, а такие касания никогда не несут ничего хорошего.

— Это мой номер, — говорит он.

— О... прошу прощения. Я не успела его убрать, у вас ранний заезд?

— Да, я приехал внезапно.

— Все будет готово через тридцать минут. Дальше по коридору вы можете пройти в ВИП-гостиную, вам подадут кофе или другие напитки, закуски и свежую прессу.

— Спасибо. — Он все так же не сводит с меня глаз.

Мы стоим и совершенно по-идиотски пялимся друг на друга. Он не двигается с места, а моя рука замерла над кнопкой включения пылесоса.

Это то, что я ненавижу: его взгляд буквально ощупывает меня с ног до головы. Как ученый под микроскопом изучает клетку, богач рассматривает прислугу, традиционно задерживая взгляд на голых коленках. Я подавляю желание одернуть юбку и, как барон Мюнхгаузен, вытаскиваю себя за косичку из болота: включаю пылесос и начинаю обрабатывать диван.

Краем уха слышу, как он уходит, и с ужасом понимаю, что сердце бьется прямо у горла, отчего меня слегка мутит.

На самом деле только в кино симпатичную горничную увозит страстный миллионер и они живут долго и счастливо. В нашем сериале иной сюжет: мы — невидимки. Редко кто обращает внимание на худеньких девочек, снующих туда-сюда в бело-голубых платьях. Ну, это если не нужно наорать за какой-нибудь промах, конечно. Тут мы в первых рядах, отгребаем больше, чем можем унести.

Обычно я убираюсь намного медленнее. На уборку номера нам дают два часа, и за эти два часа мы должны вылизать все. Но в этот раз почему-то хочется закончить как можно скорее. Усталость забыта, я летаю по комнате с тряпкой и тщательно вытираю каждую поверхность. А когда заканчиваю, понимаю, что уложилась минута в минуту: стрелка на часах останавливается на цифре восемь.

Окидываю номер оценивающим взглядом и киваю: все убрано почти идеально. Отваливается спина, гудят ноги, но близость окончания смены толкает вперед, уговаривает потерпеть еще чуть-чуть. Я отвожу тележку и иду в гостиную, чтобы сказать гостю об окончании уборки.

Он пьет красное вино, а из удобного кожаного кресла открывается потрясающий вид на город. Я так редко бываю в ВИП-гостиной, что этот вид завораживает меня, захватывает дух.

Мужчина видит меня в отражении в окне и оборачивается.

— Номер готов, у вас будут ко мне какие-то просьбы?

— Будет... — Его голос хриплый, низкий, окутывает странным жаром. — Как тебя зовут?

— Анна.

— А фамилия?

Хмурюсь: ему совершенно незачем знать обо мне больше, чем имя на бейджике. Тем более что завтра его номер будет убирать совсем другая девушка.

— Извините меня, но у нас строгие правила. Я не могу беседовать с гостем на отвлеченные темы.

Кошусь на бармена за стойкой, но он не то действительно нас не слышит, не то делает вид.

— Хорошо. — Гость поднимается и ставит бокал на стойку. — Покажи, где номер, я не очень хорошо у вас ориентируюсь.

Выхожу из гостиной. Чувствую затылком его внимательный взгляд и стараюсь идти ровно и спокойно.

Не сказать чтобы внимание гостя для горничной было в новинку: пошутить и пофлиртовать с хорошенькой девчонкой хотят нередко. Но от обычного гостя легко отшутиться, ему можно улыбнуться — и уйти работать дальше, отчасти даже испытывая радость от неожиданного комплимента.

С ним не работает. С ним чувствуешь себя не легко, а словно во сне, с трудом преодолеваешь бесконечный коридор. Каждый шаг требует таких затрат энергии, что, остановившись перед дверью его номера, я на миг касаюсь ладонью холодного дерева.

— Все в порядке? — спрашивает он. — Анна, ты кажешься бледной. Тебе надо сесть.

Я пытаюсь протестовать, но его пальцы смыкаются на моем плече. Хватка настолько сильная, что ничего другого не остается: я вхожу в номер и падаю в кресло, к которому он меня подводит.

— Со мной все в порядке, правда, — делаю вялую попытку подняться. — Я устала под конец смены, мне надо успеть на метро...

— Метро будет работать еще долго, — отрезает гость. — Сиди.

Наливает в высокий стакан воды и протягивает мне. Я молюсь, чтобы он не заметил, как дрожит рука.

— Тебе следует больше отдыхать. В двадцать кажется, что здоровье бесконечно, однако это не всегда так.

Я делаю глоток воды, и тут меня озаряет: откуда он знает мой возраст?! Я бормочу слова благодарности и поднимаюсь. Хочу сбежать отсюда раз и навсегда, но моя попытка прерывается его... нет, не криком и не приказом, а каким-то глухим рыком:

— Сиди!

— Что за...

— Сиди, Анна, мне нужно с тобой поговорить.

— О чем? Я вас не знаю, и учтите, у меня есть рация, и вы не можете держать меня здесь силой!

— А у меня есть деньги, чтобы заткнуть твоей рации рот. Посиди немного и послушай. Тебе говорит что-нибудь фамилия Крестовский?

Качаю головой, окончательно переставая что-либо понимать.

— Хорошо, а Ампилов?

— Это... это фамилия папы.

Он знает отца? Слишком молод, чтобы быть его другом или знакомым. Слишком взрослый, чтобы быть воспитанником. Кто?

— Отлично. Значит, я не ошибся. Ты дочь Ампилова.

Снова киваю, сжимая стакан. Он наверняка вот-вот разлетится на тысячу маленьких осколков.

— Меня зовут Игорь Крестовский, я — сын Олега Крестовского. Отец умер, и теперь ты — ключ к его завещанию и моим деньгам.

Приехали. Кажется, я схожу с ума.

— Вы что-то путаете. Я не могу иметь отношение к каким-то деньгам. У меня нет родных, друзей, а папа был школьным учителем. Вряд ли он прятал золото в школьном спортзале.

Я чувствую, как тиски страха немного разжимаются, и снова получаю способность защищаться. Этот человек рушит мой привычный мир, а еще он враждебен. Я чувствую это и внутренне напрягаюсь. Ничего хорошего ждать не приходится.

— Боюсь, что я ничего не путаю, — говорит он. — Мой отец умер полгода назад.

— Соболезную, — говорю я и тут же осекаюсь под недовольным взглядом — призывом не перебивать.

— В его завещании было условие. Мы получим все деньги лишь в том случае, если разыщем тебя, Калинину Анну Артемовну, и ближайшие пять лет будем обеспечивать. Там много разных условий, подробнее сможешь ознакомиться с текстом в машине.

— В к-какой машине?

— Ты едешь со мной.

Он говорит это так легко и просто, словно речь идет о чем-то рядовом. Показать дорогу или посидеть денек с ребенком. Вот только речь идет не о работе няни, а о... впрочем, я даже не знаю о чем.

— Почему ваш отец поставил такое условие? Я ведь никогда о нем не слышала.

— Не имею ни малейшего понятия. — Он перестает буравить меня взглядом и отворачивается к окну.

Страх ослабевает еще немного.

— Нужно будет сделать ДНК-тест. После него, возможно, что-то прояснится.

— Что прояснится?

— Не знаю. — Он пожимает плечами: — Может, мой отец знал твою мать, а твой отец ходил с рогами. Всякое бывает.

— Не смейте так про мою семью!

— Ой, — Крестовский морщится, — давай только без пафоса. Я не знаю, почему мой отец заставил нас тебя обеспечивать. И не уверен, что хочу знать. Сейчас моя задача — организовать все с наименьшими потерями.

— А что насчет моих потерь?

— Ну конечно, будет обидно потерять такое теплое местечко в штате этого клоповника, — язвительно произносит он.

Я задумчиво смотрю на мужчину и думаю, что внешняя красота совсем не обязательно отражает внутреннюю. Или деньги — это яд, который медленно отравляет организм? С самого рождения крохотными дозами уничтожает внутри что-то хорошее, что есть даже в усталой и хмурой уборщице Анзурат, но почему-то нет в этом холеном и красивом мужчине.

— Ты меня слушаешь вообще? — Он сердится.

Я понимаю, что за размышлениями практически отключилась.

— Я говорю, что предлагаю тебе сделку. Ты побудешь хорошей девочкой на обеспечении богатой се-

мы, а я тебе за это заплачу. И не придется унитаза драить — тоже несомненный плюс.

Уехать в неизвестность с тем, кто поманил деньгами? Нет, я слишком хорошо знаю, чем заканчиваются подобные авантюры. Девушки, которых никто не будет искать, бедные, готовые взяться за любую работу — лакомый кусочек для проходимцев.

Я стараюсь не думать о том, что Крестовский нашел меня словно специально, выяснил так много подробностей. Я стараюсь сообразить, как сбежать отсюда. Кошусь на дверь, но она заперта.

— Ты вообще представляешь, о каких деньгах идет речь? Одной сотой этой суммы хватит тебе и твоим детям на безбедную жизнь.

— И ради денег я, по-вашему, брошу все, сорвусь и буду жить в неизвестно чьем доме по воле незнакомо-го мертвого мужика? Да и воле, подкрепленной пока только вашими словами? Вы запираете меня в комнате, говорите странные вещи, неужели всерьез надеетесь, что я забуду об осторожности и поведусь на сказку о Золушке? Сяду в вашу машину и уеду в неизвестность? Если вы сейчас же не отпустите меня, я вызову полицию!

У меня нет с собой телефона, есть только рация, по которой можно связаться с консьержем, но Крестовский об этом не знает. Сердце гулко стучит, я надеюсь, что он испугается, но на лице его не отражается ни единой эмоции. Кроме, может быть, легкого раздражения.

— Понятно. На то, что будет просто, я даже не надеялся.

Мы некоторое время молчим, но мое терпение на исходе. Первое впечатление, произведенное этим Крестовским, уходит. Я снова становлюсь собой, я готова к бою. Но он или знает это, или просто не хочет связываться. Пожимает плечами:

— С тобой свяжется мой адвокат.

Я думаю, что вряд ли стану с ним разговаривать, но вслух это не произношу. Поднимаюсь и коротко прощаюсь. Карта-ключ от номера лежит на столе, я беру ее и крепко сжимаю. Вот мой путь на свободу. Едва я окажусь за дверями номера, спрятаться будет проще. В голове вертятся смутные воспоминания о каких-то бесплатных юридических консультациях и центрах по борьбе с мошенничеством, но ничего конкретного я вспомнить не могу. Дома можно будет залезть в интернет и поискать, наверняка... Хотя о чем я? Не существует ответа на вопрос: «Что делать, если какой-то псих утверждает, что ты вписана в завещание его отца?»

Всю дорогу до комнаты персонала (Анзурат еще называет ее на английский манер «стафф-рум», так, ей кажется, звучит престижнее), из скудных знаний о юриспруденции я пытаюсь понять, могут ли по завещанию совершенно постороннего человека заставить что-то меня сделать.

Логика говорит, что нет, но червячок сомнения неспешно подтачивает уверенность и спокойствие.

— Аня! — старшая горничная радуется, увидев меня. — Я думала, ты уже ушла.

— В люксе была куча работы. Требовательный клиент.

Я достаю из шкафчика сумку и начинаю переодеваться.

— Слушай, а на пару часов еще не останешься? В двенадцати номерах был поздний выезд, а завтра приезжает группа китайцев, человек тридцать! Девочки не справляются. Я тебе дополнительно ночные часы поставлю, побольше.

Замираю, так и не успев натянуть свитер. Очень хочется домой: я устала, растеряна, голова начинает болеть, а еще в ней прочно поселился этот Игорь Крестовский. Но дополнительные ночные часы — это дополнительные деньги. А усталость не такая уж и сильная, бывало и хуже.

— Пожалуйста! — просит старшая. — Завтра все равно выходной, отоспишься!

Наконец я вздыхаю:

— Ладно, давайте номера.

Снова натягиваю изрядно надоевшее платье и надеюсь, что работа отвлечет от неприятного и странного разговора.

* * *

Я выхожу за час до закрытия метро и несусь через гостиничный парк как сумасшедшая. Ехать мне минут сорок, а пробок в это время почти не бывает, но я все равно тороплюсь. Ночью в центре уютно и не страшно: иллюминация и круглосуточные заведения создают иллюзию безопасности, толпы. Там, где я и еще две девчонки снимаем комнаты, конечно, район жутковат.

От метро меня отделяет лишь четырехполосная магистраль. Сейчас на ней мало машин, а светофор почему-то не работает. Издеваясь, мигает противным желтым светом. Смотрю по сторонам и решаю пропустить черную иномарку, а потом совершить маршбросок до станции.

За несколько метров до меня машина начинает тормозить. Редко такое случается в центре, обычно водители не спешат пропускать пешеходов. Я благодарно улыбаюсь и ступаю на зебру.

Я всецело поглощена целью и не замечаю, как дверь пассажирского сиденья открывается. Лишь уловив движение позади себя, оборачиваюсь. Но сделать уже ничего не успеваю. Мощный и огромный мужчина в черном костюме буквально сгребает меня в охапку и тащит к машине.

Несколько секунд я лишь бесшумно пытаюсь вдохнуть, охваченная паникой. Затем кричу, но совсем недолго. Мне закрывают рот. Несколько секунд — и я внутри, а щелчок возвещает о блокировке дверей.

Амбал, запихнувший меня в нее, по-прежнему следит рядом. Очевидно, чтобы я не повредила его хозяину.

Которым оказывается не кто иной, как Игорь Крестовский.

А еще ему, по ходу, весело. Черт!

— Вам это с рук не сойдет!

Он невозмутимо кивает.

— Отпустите меня!

— Боюсь, это невозможно. Я хотел с тобой договориться, ты не шла на контакт. Я был вынужден применить силу.

— В полиции будете рассказывать. На что вы надеетесь? Запрете меня в подвале и заставите читать документы? Или что?

— Документы прочитаешь в машине. Потом мы приедем в мой дом, там ты будешь жить до двадцати пяти лет. Об остальном поговорим позже.

— Как у вас все просто. Вот так приеду, буду жить, и поболтаем. И как вам живется в волшебной стране, где исполняются все желания? Вы же понимаете, что удержать меня будет нереально. Я сбегу, пойду в полицию, буду орать и вырываться. Вы совершаете преступление!

— Всего лишь потенциально дорогое правонарушение. В моей среде нет преступлений, есть поступки, которые ты можешь оплатить и которые нет. Я могу оплатить любые.

Я в буквальном смысле лишаюсь дара речи от такой наглости и уверенности в собственной безнаказанности! А еще с ужасом понимаю, что, скорее всего, он прав. У таких хватает денег откупаться от всех обвинений в свой адрес, заставить его ответить по закону будет архисложно.

Но не невозможно же! Голова начинает лихорадочно соображать. Так, патрульные службы — не вариант. Наверняка такие машины и не останавливают вовсе. Обычные отделения полиции — уже вероятнее, не мо-

жет же Крестовский дать взятки вообще всем. Хоть где-то найдется человек, который мне поможет!

Основная проблема лишь в том, чтобы выбраться из машины и сбежать. Амбал рядом не выглядит воинственным, но я чувствую и знаю, что он настороже. Пытаюсь понять, куда мы едем, но на самом деле не знаю даже примерно. Я передвигаюсь только на метро и от этого совершенно не ориентируюсь на местности.

Загорается свет. Мужчина копается в черном кожаном дипломате, а меня, глядя на смартфон, лежащий рядом на сиденье, осеняет: интернет! Крестовский может щедро раздавать взятки, не пускать меня в полицию, но рано или поздно мне представится шанс выйти в интернет. Такой случай наверняка вызовет резонанс, а от тысяч пользователей, следящих за ситуацией, откупиться не выйдет. Я не раз видела, как громкие преступления, в том числе и похищения, вызвали подобный ажиотаж.

— Вот, — он протягивает мне толстую папку с бумагой, — это полный текст завещания, в том числе и указания, касающиеся тебя. Ознакомься.

Я открываю документы. Мне на самом деле интересно: я не верю, что этот Игорь похитил меня с какой-то жуткой целью. Я не верю ни в сексуальное рабство, ни в продажу органов или что там еще крутят по любимым каналам Анзурат.

Завещание начинается скучно и непонятно. Куча фамилий, имен, каких-то активов и акций. Перечисление недвижимости, имущества вроде машин и даже (тут я непроизвольно открыла рот) самолета, вертолета и реанимобиля (зачем вообще он нужен?).

Основными наследниками покойного Крестовского О.А. значатся, как я понимаю, дети:

Крестовский Игорь Олегович, 1986 года рождения;
Крестовский Сергей Олегович, 1994 года рождения;
Крестовская Кристина Олеговна, 1998 года рождения;

Крестовский Александр Олегович, 2000 года рождения.

Целых три миллиона получает некая Тодорова Лиана Михайловна, 1978 года рождения, а...

Я тру глаза, чтобы удостовериться, что мне не привиделось, но буквы неизменно, пока я перечитываю их несколько раз, складываются в мое собственное имя: Калинина Анна Артемовна, 1998 года рождения, согласно завещанию, получает десять процентов от состояния при выполнении некоторых условий. О них написано отдельно.

Вплоть до двадцатипятилетия, чтобы получить наследство, я должна жить в доме Игоря Крестовского (с регистрацией) и получать образование. Относиться к обучению с ответственностью, не допускать оценок «неудовлетворительно» и как минимум получить диплом бакалавра. Специальность на мое усмотрение.

— Бред какой-то, — заключаю я, мельком просмотрев остальные страницы. — Я не знаю вашего отца, не знаю вас, я ничего не понимаю!

— Я понимаю не больше тебя. Однако для меня там есть условия: я обеспечиваю тебя, контролирую учебу и только в этом случае имею доступ к деньгам. Если я не выполняю обязательств, то основная часть наследства перейдет к Сергею, как и обязанности в отношении тебя.

— Бред! — Похоже, только это слово осталось в моем лексиконе. — Нельзя так просто заставить одного человека жить в доме другого! Даже с деньгами всего мира!

— Ты вообще понимаешь, что такое десять процентов? Представляешь, сколько получишь?

— Бесплатный сыр бывает в мышеловке.

— Все условия в завещании.

— Я не понимаю причин.

— Я тоже, именно для этого ты сделаешь ДНК-тест. Ставлю на то, что ты — внебрачная дочь отца. И под старость лет ему стало стыдно, вот и вписал тебя в за-

вещание. Мне пришлось потратить кучу времени, чтобы тебя найти. Я дал тебе всю информацию, которой располагаю. Сама видишь, в какой я ситуации.

Его голос звучит так холодно, что у меня сомнений не остается: не лжет. Условия отца ему противны, я вызываю только досаду. Но он, в отличие от меня, отказаться не может.

А могу ли я?

— Не сказать, чтобы вам совсем ничего не досталось, — хмыкаю, снова перечитывая документы.

— Я хочу все.

— Не сомневаюсь.

Некоторое время мы снова молчим. Я перечитываю абзацы про себя несколько раз, но ни на йоту не приближаюсь к разгадке этой тайны. Совершенно точно, что фамилию Крестовских я никогда не слышала, но вот Олег Крестовский, очевидно, хорошо меня знал. Как минимум он знал отца, поэтому и оставил его данные для моего поиска.

Идея с родством? Бред. Я не похожа на папу, но лишь потому, что мамина копия. Когда мы жили с отцом, я видела ее фотографии. Лет в тридцать наверняка буду выглядеть так же.

А еще я видела их фото с мамой, и если кто-то попытается убедить меня, что мама изменяла отцу, я с уверенностью скажу — наглая ложь. Они были счастливы настолько, насколько вообще могут быть счастливы двое. Мамина рука чувствовалась в квартире даже спустя много лет после ее смерти.

Может, кто-то из бывших учеников? Или друг, давний одноклассник, достигший высот, узнал о сироте и решил помочь. Но почему с такими условиями? Почему после смерти?

— Как умер ваш отец? — спрашиваю я.

— Проблемы с сердцем. — Игорь пожимает плечами: — Ничего особенного. А что, появились гениальные идеи?

— Нет, — вздыхаю и отдаю папку амбалу. Тот, к моему удивлению, беспрекословно ее куда-то убирает. — Может, они вместе учились или работали. Или папа учил кого-то близкого вашему отцу.

— Ага, и в благодарность он оставил тебе десять процентов от состояния. Ты действительно ничего не знаешь о моем отце.

— Рада, что убедила вас в этом, — холодно парирую и отворачиваюсь к окну.

Мы едем долго, несмотря на поздний час. Выезжаем за город и катим по уютной двухполосной дороге, с обеих сторон окруженной пушистыми елками. Мне хочется вдохнуть запах хвои, но окно заблокировано. Мысленно закатываю глаза: неужели им в голову пришла мысль, что я попробую сбежать через окно? Большого бреда и вообразить нельзя.

Однако стоит признаться самой себе: сбежать вообще не выйдет, разве что пешком через лес тащиться. На протяжении всей дороги я не вижу ни одного автобуса. А когда из утреннего тумана начинают появляться очертания особняков, понимаю, что мы находимся в одном из коттеджных поселков в черте города. И да — рейсовых автобусов здесь нет, потому что каждый обитатель таких домов (наверное, даже домашние коты) имеет машину.

Мы сворачиваем у особенно высокого монолитного забора, водитель выходит из машины и лично набирает код открытия ворот. Медленно две тяжеленные пластины разъезжаются, пропуская нас на огромную территорию дома. Дома? Дворца! Я видела такие лишь в кино.

Поместье Крестовских (я назвала его именно так, ибо называть эту громадину домом не поворачивается язык) расположено в глубине сада. На первый взгляд сад можно принять за обычный лес, но ухоженные асфальтированные дорожки, незаметные фонари среди листвы и несколько садовников, подстригающих кусты, развенчивают это впечатление.

Амбал выходит первым и открывает дверь с моей стороны. Сидеть, надувшись, внутри глупо, и я выхожу. Случается долгожданное: я вдыхаю возжеланный запах хвои, от которого кружится голова. Хотя скорее кружится она от кислорода и чистого воздуха. В городе такого не почувствуешь.

— Пошли, у меня мало времени, — бросает Игорь.

Не оборачиваясь, он идет по направлению к дому, и мне ничего не остается, как последовать за ним.

Глава 2

Меня не покидает ощущение, что мы в музее. Я смотрю на большую лестницу и не понимаю, как вообще оказалась в этом доме. Он... странный и очень богатый.

Никогда не разбиралась в стилях интерьера, но этот обозвала бы европейской деревней. Все вокруг деревянное, блестящее от лака и пахнущее свежей мебелью. Новая? Тщательно ухоженная? Как бы то ни было, в простоте и отсутствии лишней мебели этот дом смотрится сошедшим с картинки журнала. Нет ничего, что выдавало бы хозяев: раскиданной обуви, книг, тарелок. Слева виднеется часть гостиной и — тут я замираю, ибо видела такое лишь в кино, — огромного панорамного окна. Мне хочется увидеть всю комнату, хочется против воли разума, иррационально. Я осознаю, что смотрюсь как те умильно-бедные дети, что смотрят на витрины магазинов сладостей, не имея возможности ничего купить.

Но я ничего не могу поделать с этим чувством. Этот дом не подходит мне, а я не подхожу ему. Мы из разных миров, а когда они встречаются, происходит катастрофа.

В данный момент катастрофа происходит в семье Крестовских.

— Серж! — кричит Игорь. — Алекс, Крис! Спускайтесь немедленно, у меня всего пара минут, я и так опоздал!

Я проглатываю замечание о том, что мог бы и не опаздывать — если бы не похищал ни в чем не повинных девиц. Наверху слышатся шаги, и перед нами появляются двое: девушка и парень.

Девушка невероятно красива. Ее светлые волосы уложены небрежными крупными кольцами, а классическое черное платье дополняет ярко-красный пиджак. Я всегда удивлялась подобному чувству стиля. Мне бы и в голову не пришло так соединить эти вещи, а у нее получилось шикарно. Я даже немного завидую.

— Где Серж? — спрашивает Игорь.

Оба молчат, в упор рассматривают меня. Минута слабости берет верх, и я пытаюсь спрятаться за амбала, но вдруг обнаруживаю, что он куда-то бесшумно исчез. Прятаться некуда.

— Где Серж? — Голос Крестовского становится громче.

— А я знаю? — огрызается девушка. — Я не нянька.

— Понятно. Крис, Алекс — это Анна Калинина, я вам о ней говорил. У меня нет времени водить ее по дому, так что организуйте тут экскурсию и покажите ей ее комнату. Анна, — поворачивается ко мне, — Алекс и Крис — мои брат и сестра. Вечером обсудим все моменты нашего сотрудничества.

— Погодите-ка... — начинаю я, но отвлекаюсь: Крис первая разворачивается и несется по лестнице наверх, за ней следует и брат.

Их враждебность я ощущаю даже на расстоянии.

— Я сказал до вечера, — отрезает Игорь. — Можешь попробовать сбежать. Через лес не рекомендую, долго и холодно, а по дороге ездит патруль, и я их предупредил. Так что давай-ка по-хорошему. Так всем будет проще. Все, располагайся. Про еду спроси у Крис.

С этими словами он уходит. С грохотом захлопывается дверь, а я... я стою посреди этого огромного дома совершенно одна.

Не имея понятия, что делать дальше.

С горечью понимаю, что мужчина был прав: идти пешком до города — вариант не из лучших. Я не знаю дороги, а телефон даже если и покажет ее, все равно зарядка не продержится долго. Останусь посреди леса. Или в полиции... что еще больше разозлит этого психа-миллионера.

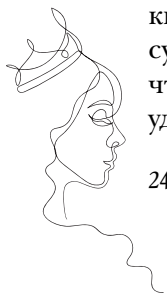
— Наро-о-од? — осторожно зову. — Может, покажете, куда идти?

Ответом мне становится тишина, и она же приносит с собой злость. Или даже ярость — я готова что-нибудь сломать, так сильно во мне кипит возмущение! Я должна их выручить, я — ключ к их наследству, но ощущаю себя какой-то Золушкой во дворце у злобной мачехи.

Я совсем не думаю в этот момент о других условиях завещания. После бессонной ночи мне хочется лечь и закрыть глаза. Может, все окажется сном? Я очнусь в комнате на окраине, позавтракаю осточертевшей гречкой и поеду на работу: драить непрекращающуюся череду унитазов.

Думать, что все это странный сон, — легко и приятно. Я решаюсь побродить по дому и первым делом направляюсь в ту комнату с панорамным окном. Это гостиная: половину стены занимает огромный плазменный телевизор. А под ним... Я зачарованно смотрю на камин, где весело пляшут языки пламени. Он весь украшен причудливой резьбой, это великолепие завораживает. Вкупе с огромным окном камин кажется мне и впрямь атрибутом королевского дворца.

Здесь же стоит диван, на вид крайне удобный и мягкий. Несколько секунд я колеблюсь, но потом бросаю сумку на пол и сажусь. В конце концов, их проблемы, что я не знаю, куда можно присесть. И что никто не удосужился показать, где можно разуться.

Сил думать о произошедшем просто нет. От голода и недосыпа меня тошнит. Я лишь на секунду, крохотную частичку времени, закрываю глаза, чтобы справиться с головокружением, как проваливаюсь в темноту.

* * *

— Проснись! — Голос врывается в реальность и вытаскивает меня из сладкого глубокого сна. — Проснись, я сказал!

Я с трудом фокусирую взгляд и очень долго вспоминаю, где вообще нахожусь. Сначала сердце пропускает удар: неужели я уснула на работе?! Затем снова бьется, когда видит камин, окно...

Надо мной стоит Игорь Крестовский, мрачный, как сама смерть. Он сложил руки на груди и явно недоволен.

— Какого черта ты здесь делаешь, да еще и с вещами? Я, кажется, велел тебе идти к себе.

— Во-первых, не велел, а просил, — нарочито долго зеваю и улыбаюсь: — Я же не ваша собственность. Во-вторых, к сожалению, в школе мне забыли выдать диплом телепата, так что определить, какая из комнат предназначена для моих вещей, я не смогла. Подайте в суд на Министерство образования.

— Что ты имеешь в виду?

— Где уборная, не подскажете?

Он молча, взирая на меня, как удав на кролика перед обедом, показывает в сторону коридора, на неприметную дверь в углу. Мелькает глупая мысль, что в таком огромном доме на туалетах обязательно должны быть таблички. На самом деле эта провинциальность веселит даже саму меня. А вот Крестовского, похоже, раздражает. Можно представить, как он зол на отца за это завещание.

Я долго умываюсь и жалею, что не взяла с собой расческу. Из зеркала на меня смотрит изможденное

и усталое лицо. Сон в положении сидя не пошел на пользу, а еще я с трудом поворачиваю голову. Должно быть, шею продудло.

Жалкое зрелище. Неудивительно, что Крестовский чуть ли не кривится, когда меня видит.

Когда я возвращаюсь, он холодно интересуется:

— Итак, поясни, по какой причине ты здесь разлеглась и почему ты не в своей комнате.

— Потому что я понятия не имею, где находится моя комната. Ваши родственники не пожелали мне ее показать, а бродить по дому, открывая наугад все двери, не имею никакого желания. Вдруг случайно наткнулся на пару семейных скелетов?

Я чувствую, что злюсь. Он похитил меня, силой привез сюда, собирается заставить тут жить и еще недоволен, что я уснула в гостиной? Пусть скажет спасибо, что не поставила на уши весь интернет! Так и вижу заголовки: миллионер, похитивший сироту, заключен под стражу.

Наверное, на моем лице отражается все это, потому что Крестовский хмурится:

— Иди за мной. В следующий раз не показывайся лишний раз в гостиной. Я могу вернуться не один.

— Вы что, хотите сделать из меня Гарри Поттера? Поселить в каморке и скрывать от окружающих? А потом сдадите в какой-нибудь Хогвартс и всем будете говорить, что слегка прибабахнутая племянка учится в школе для дебилов?

— Идея отличная. Правда, каморкой я бы эту комнату не назвал, но тебе виднее, наверняка в общежитии для гастарбайтеров апартаменты роскошнее.

Я вхожу в комнату, на которую он показывает, и лишаюсь дара речи.

Она большая. Нет, черт подери, она огромная! Куда больше люксов, которые я привыкла убирать. Визуально комната поделена на две части, разделенные встроенным стеллажом. В одной части находит-

ся огромная кровать с балдахином и даже небольшим пуфиком. Рядом с кроватью я вижу маленький, но камин! Почти такой же, как в гостиной.

По другую сторону, напротив панорамного окна, высотой от пола до самого потолка, что-то типа гостинного уголка: книжный шкаф, два кресла с чайным столиком и телевизор. Я не вижу нигде шкафа для вещей и недоуменно осматриваюсь. Наконец замечаю две дверцы. Одна ведет в гардеробную — она оказывается как раз размером с ту комнату, что я снимала в складчину. Вторая дверь — ванной, и такой шикарной ванной я еще не видела в своей жизни. Даже на снимках в журналах.

Дизайнер, проектировавший комнаты, явно обладал страстью к большим окнам, потому что в ванной оно тоже есть, прямо напротив большой джакузи. Против воли (мне очень хочется сохранить достоинство перед Крестовским) я восхищенно осматриваю все, от бронзовой фурнитуры до мягких белоснежных полотенец. Наверное, здорово лежать в такой ванне и смотреть на лес.

Но еще немного жутковато.

— А окно...

— С той стороны оно тонированное. Тебя никто не видит.

Я думаю, что все равно очень странно будет смотреть из ванной на прогуливающийся по дорожкам народ. Хотя, наверное, здесь мало кто гуляет. Дом не выглядит многолюдным.

— Правила этого дома просты, но если тебе сложно запомнить — записывай. — Меж тем Крестовский по-хозяйски проходит и садится в кресло. — Если ты хочешь куда-то пойти, то должна предупредить меня. Если я говорю «нет», то это значит «нет». Ты должна сообщать, во сколько вернешься и куда подать машину, чтобы тебя забрать. Отныне ты не будешь ездить на метро или в общественном транспорте. Если

хочешь кого-то пригласить, ты должна спросить, аналогично, получив отказ, не канючишь и не ноешь, а молча запоминаешь, что этот человек не переступит порог дома. Я не желаю здесь видеть никаких твоих подружек-нищербродок.

Я вспыхиваю и готовлю гневную тираду, но Крестовский, будто ожидая чего-то подобного, небрежным движением руки меня останавливает:

— Оставь возмущения при себе и дослушай до конца. Разумеется, ты должна бережно относиться к дому и имуществу в нем. Узнаю, что ты что-нибудь продала, — выпорю ремнем, и я сейчас серьезно.

— Вы псих! Я здесь не останусь! Немедленно ответите меня домой!

— Это невозможно, мы уже обсуждали. Отставь в сторону свою гордость, девочка, я не знаю тебя, но вынужден впустить в свой дом. По-моему, честно будет сразу обрисовать перспективы. Так вот. Твоя задача на ближайшие месяцы: выбрать университет, в котором ты хочешь учиться.

— Я не сдавала экзамены, — напоминаю я. — И никуда уже не успею поступить. До сентября осталось два месяца.

Крестовский только отмахивается:

— Это наименьшая из всех проблем. Просто ткни своим пальчиком...

Он запнулся, осмотрев меня с ног до головы.

— Завтра я пришлю помощницу, поедете с ней приводить тебя в порядок. Маникюр и какие там у вас еще бабские штучки. Иначе обо мне пойдут странные слухи.

— Поразительно! — Я даже слов не могу подобрать. — Впервые в жизни вижу такого самонадеянного и циничного человека!

— Добро пожаловать в семью, Анна, — совершенно серьезно отвечает Игорь. — На полке найдешь ноутбук, в ежедневнике на тумбочке записан пароль от

вай-фая. Вся твоя история просмотров мониторится моей службой безопасности, так что не вздумай с кем-нибудь поделиться.

— Мои друзья будут спрашивать, куда я пропала. И поднимут шум, если я не выйду на связь.

— Скажешь, что тебя нашли родственники и теперь ты живешь с ними. Придумай что-нибудь, это не мои проблемы. Так вот, распорядок дня оставляю на твое усмотрение, однако Марине — экономке — лучше сказать, во сколько ты желаешь завтракать. Относь к ней уважительно, она работает у нас всю жизнь. Обедать можешь в комнате, в кухне, в столовой или в саду. На ужин, если я дома, принято спускаться в столовую. Это не обсуждается. Даже если у тебя температура тридцать восемь, если я дома — в девять часов ты спускаешься вниз. Внешний вид соответствующий. Иногда в доме устраивают вечеринки и приемы. Категорически, слышишь, категорически запрещаю тебе выходить во время них из комнаты.

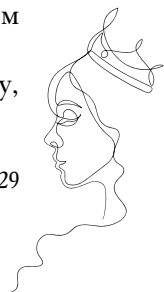
Он тяжело вздыхает, словно я — досадная проблема, которая буквально ворвалась в привычный и размеренный мир. А затем встает.

— Сегодня можешь ужинать здесь, Марина принесет. Завтра жду тебя внизу. Занимайся собой и выбирай университет. Чем раньше мы со всем покончим, тем раньше разойдемся. Воспринимай это как подарок судьбы. Я не собираюсь обеспечивать тебе сказочную жизнь, но и возможность получать хорошее образование, не думая о еде и жилье, в наше время дорогого стоит.

Он уже идет к выходу, но вдруг останавливается:

— Да, совсем забыл. После ужина и до самого утра ничего не ешь и не пей. Перед походом по магазинам заедете и сдадите ДНК-тест. Вот. Пин найдешь в том же планере, где и пароль.

Он бросает на столик золотую пластиковую карту, на которой я узнаю логотип крупного банка.

— Развлекайся, — усмехается он, заметив мой ошеломленный взгляд.

Дверь закрывается, оставляя меня в совершенной тишине. Я до сих пор не верю, что это происходит со мной. Беру в руки карту и читаю имя владельца:

IGOR KRESTOVKYI

Боже, неужели все это правда? И на ближайшие годы эта комната — и дом, и тюрьма? Я чувствую, как начинает болеть голова. Отлично, а у меня с собой даже нет таблеток. Нужно написать девчонкам, что со мной все в порядке, они наверняка волнуются.

Телефон, разумеется, разряжен в ноль. Я быстро нахожу зарядку на соседней полке с ноутбуком. Подавляю желание открыть тоненький и стильный серо-красный аппарат. Мой старенький смарт выглядит жалко в окружении суперсовременной техники.

Несколько пропущенных и пара эсэмэсок. Я придумываю слабенькую историю о том, что на меня вышли родственники и я погощу пока у них. Не знаю, верят мне или нет, но более убедительного объяснения придумать не выходит.

Затем, когда разговоры стихают, я оставляю телефон заряжаться и бреду в ванную, чтобы надеть халат, который заметила, когда осматривала здесь все. Он такой мягкий, что хочется упасть на постель, свернуться клубочком и забыться. Но едва соблазн пересиливает, раздается стук в дверь:

— Анна Артемовна? Вы не спите? Я принесла ужин.

Это женщина в темно-сером строгом платье. Она держит в руках поднос, заставленный всевозможной едой. Женщина красива, хоть и в возрасте. Она совсем не выглядит как прислуга из фильмов о богатых семьях.

Я вдруг понимаю, что стою и пялюсь на нее, как дурочка.

— Ой! Извините! Спасибо!

Она улыбается, опуская поднос на столик.

— Если что-то будет нужно, мой телефон записан в вашем ежедневнике. Обычно меня можно найти в кухне, но, если что, мобильный всегда при мне. Зовут меня Марина, я экономка. Анна Артемовна, у вас будут какие-то пожелания относительно завтрака и обеда на завтра?

Я с трудом заставляю себя вникнуть в смысл ее слов. Мне очень неловко. Я всегда была по ту сторону баррикад, это я спрашивала у клиентов о пожеланиях или претензиях, это я приносила им завтраки и ужины в номер. Теперь же изо всех сил старалась вспомнить, как они себя при этом ведут, и не облажаться.

— О... Марина... то есть вы можете звать меня просто Аней. Но я хотела попросить... а нет у вас таблетки от головы? Я боюсь, не смогу уснуть.

— Да, конечно. — Она улыбается. — Сейчас принесу. Тогда позвольте я заберу кофейник и вместо кофе заварю для вас чай с чабрецом. Пожалуй, при головной боли он будет эффективнее.

— Да, спасибо! — Я неловко улыбаюсь и не знаю, куда себя деть.

Так странно и пугающе. Но — себе нет смысла лгать — очень приятно.

Она уходит, прихватив пузатый керамический кофейник, а я сажусь за стол и вдруг понимаю, что от голода меня даже тошнит. Мы приехали сюда ранним утром, даже, я бы сказала, еще ночью. Выходит, я не ела немногим меньше суток.

От подноса так умопомрачительно пахнет, что я хватаю вилку и на полчаса выпадаю из жизни. Не думаю ни о чем, только наслаждаюсь нежнейшим крем-супом, куриным рулетом со сливочным сыром и зеленью, салатом из свежих овощей и потрясаяще ароматным горячим хлебом, который буквально тает во рту.

На десерт меня ждет симпатичная тарталетка с каким-то кремом и огромной горой голубики. На са-

мом деле я никогда не пробовала такого, во всяком случае, что касается крем-супа и десерта. Мы часто готовили с девочками курицу, но в основном покупали одну тушку и разделявали, чтобы хватило и на горячее, и на супы. Деликатесы вроде нежного рулета и сливочного соуса — лакомство не для всех. Утолив первый голод, я с наслаждением жую, глядя на темный лес.

Возвращается Марина с френч-прессом и маленькой коробочкой.

— Это от головы, примите одну на ночь. Хорошее средство. А это чай с чабрецом, он тоже успокаивает и расслабляет. Вам все понравилось? Если хотите, я принесу добавки.

— О нет, спасибо! Это потрясающе вкусно, но я больше не могу!

— Ну ладно, — улыбается женщина. — Если хотите, спускайтесь к девяти на завтрак. Сегодня я привезла от мамы шикарное вишневое варенье и завтра буду делать вафли. Их лучше есть горячими.

— Я обязательно спущусь, спасибо большое.

— Отдыхайте и пейте чай. Я заберу посуду, когда вы уснете.

Она тихо закрывает за собой дверь, как раз когда я заканчиваю с горячим и перехожу к десерту. Мне вдруг становится тяжело дышать от резко накативших эмоций. Чтобы успокоиться, я делаю несколько кругов по комнате и снова сажусь в кресло. Мне не хочется спать, потому что я проспала весь день. Едва таблетка начинает действовать, я убираю поднос с посудой на полку и ставлю на столик ноутбук. Чтобы ненароком не опрокинуть кружку с чаем на чужую технику, я оставляю ее на полу.

Дома у нас был старенький компьютер с большим, неповоротливым экраном, но он сломался, как раз пока папа болел. На новый денег не было, и я довольствовалась смартфоном. Такой быстрой и совре-

менной системы, конечно, не было даже в отеле, где иногда, в свободные часы, можно было посидеть за компом в тайм-кафе.

Полчаса уходит у меня на то, чтобы освоиться с техникой, а потом я нахожу пароль от вай-фая и погружаюсь в интернет. Я читаю десятки статей о Крестовских, но не нахожу никаких упоминаний папы или мамы. Мы — призраки этого мира, информации о нас нет нигде. Жизнь Крестовских скрыта от посторонних глаз за забором элитного коттеджного поселка, но все же они — медийные личности. Я набредаю на блог Кристины Крестовской и, к собственному неудовольствию, испытываю зависть. Не к красоте богатой наследницы, не к шикарной машине, подаренной на Новый год, и не к брендовой сумке, а к ее постам из путешествий. При виде лазурного моря я чувствую, как сжимается сердце. Как же я устала!

Какой невидимой нитью мой мир оказался связан с их миром, лишенным забот и проблем?

Я понимаю, что больше ни минуты не высижу перед экраном. Нужно ложиться, постараться если не уснуть, то хотя бы прийти в себя, потому что завтра будет еще сложнее. Мне предстоит решить, что делать дальше, а еще я твердо намерена выяснить, как оказалась в завещании Крестовского-старшего.

Мне кажется, что я не смогу уснуть, но, едва падаю на мягкую и прохладную постель, тут же отключаюсь.

Глава 3

Мечты о свежих вафлях с вишневым вареньем разбиваются в прах. Утром, едва звенит будильник, зевая и морщась, я ползу в душ. Очень странно мыться прямо перед окном с видом на лес и тропинки. Я думаю, что стоит попросить повесить шторы, и стараюсь закончить помывку как можно скорее.

На самом деле часть меня надеялась, что все это сон и я проснусь в своей комнатухе на старой, шатающейся кровати. А потом, едва я выхожу из ванной, вдруг понимаю: будильник накануне не заводила.

Я так увлечена поиском часов, которые меня разбудили, что не замечаю девушку, сидящую в кресле возле столика. В изящной руке, увешанной тонкими золотыми браслетами, лежит смартфон.

— Это ищешь, милая? Собирайся, Игорь сказал, тебя нужно отвезти сначала в медицинский центр, а потом по магазинам и салонам. На самом деле я жуть как рада, что ты вдруг появилась, потому что сегодня у него встреча с китайцами, а они дико невоспитанные и неаккуратные. У тебя пять минут.

Я, открыв рот, смотрю на эту красотку — блондинку в темно-синем коротком платье. У нее такие длинные ноги, что я, должно быть, смотрюсь рядом как хоббит.

Она красивая, сексуальная, и каждая деталь в ее облике об этом буквально кричит: от стильных босоножек на высоченной танкетке до яркого вызывающего макияжа.

— Меня зовут Стася. Станислава то есть. А ты, значит, Анна.

Она усмехается, наблюдая, как я заправляю постель.

— Ну и давно ты с ним спишь?

Я давлюсь воздухом и кашляю.

— С кем? — Голос звучит сдавленно.

— С Игорем, естественно.

— Я с ним не сплю, с чего ты взяла?

— Тогда ты ведьма. Потому что Игорь не водил в свой дом даже любовниц, а тебя поселил в этой комнате и меня приставил. Чем ты его так зацепила?

— Не его. — Я вздыхаю: — А его отца.

Сначала я опасаясь рассказывать Стасе об условиях завещания, а потом думаю — да какого черта?! Пусть

Крестовский решает проблемы, а у меня их нет. Ну, за исключением того, что вся жизнь пошла кувырком.

Поэтому я рассказываю помощнице Крестовского о завещании и даже испытываю удовольствие, видя, как ее лицо удивленно вытягивается. И, разумеется, она задает логичный вопрос:

— Так ты сестра Игоря?

— Нет. — Я уверенно качаю головой. — Не сестра. Здесь что-то другое, но что именно — я не знаю. И он не знает, поэтому бесится.

— О да, это в его духе. Ну ладно, пойдем.

Она внимательно смотрит на мой наряд и цокает языком.

— Понятно, почему он просил меня тебя приодеть. Милая, с таким видом тебя в этой семье заклюют.

— Да, уж ты-то наверняка знаешь. — Я не сдерживаюсь, в голосе звучит досада.

Я знаю, зачем начальники и бизнесмены берут в помощницы таких девушек, и удивляюсь тому, как Стася легко предположила, что я любовница. По ее виду не скажешь, что на работу она ходит исключительно перебирать бумажки.

Мне думается, что надо отращивать зубы, как-то ставить на место тех, кто считает, что я не их круга, но, по сути, это действительно так.

— А что насчет тебя? — спрашиваю я. — Чем ты занимаешься у Крестовского?

Стася заразительно хохочет:

— Ой, да спроси уже прямо, ты как из института благородных девиц. Нет, я с ним не сплю. Хотя была бы не против. Но Игорь знает меня с детства, я дочка их семейного врача, поэтому для него это все равно что трахать сестренку.

Она делано морщится, но быстро возвращает ослепительную улыбку:

— Все, мы опаздываем, водитель уже ждет. Вернешься другим человеком, это я обещаю!

— А мне бы хотелось остаться тем же, — бормочу я, следуя за Станиславой.

В коридоре мы встречаем Игоря. Он явно собирается на работу, потому что уже надел штаны и рубашку, но все еще босой и взъерошенный. Я впервые вижу Крестовского одетого не с иголки и почему-то внимательно его рассматриваю. Так он кажется живым, простым... хотя нет, простым не кажется ни разу, но хотя бы это свидетельствует о том, что он все-таки человек.

Его взгляд скользит сначала по мне, мимоходом, стремительно. А затем останавливается на Стасе, и я могу поклясться, что глаза Крестовского темнеют. Такого голоса, какой я слышу в следующий момент, не слышала даже вчера, когда он был зол.

— Анна, спустись вниз и позавтракай с Мариной, — рычит он.

— А медицинский...

— Завтра сходишь!

Он смотрит своим тяжелым, пронизывающим нас сквозь взглядом на Стасю, и та стремительно бледнеет. Выдержки у нее намного больше, чем у меня, поэтому я быстро проскальзываю к лестнице, не желая оставаться в коридоре и зная, что между этими двумя будет происходить дальше.

В кухне витают ароматы вишни, сдобы и кофе. На самом деле я радуюсь неожиданному разрешению позавтракать, потому что уже очень давно не завтракала вот так: свежими вафлями, зерновым кофе. Когда были живы родители, по субботам и воскресеньям мы готовили блины или сырники, и я обожала эти утренние часы.

На кухне суетится Марина, доделывая последние вафли, а за большим столом сидят два парня и девушка. Двоих из них я видела раньше, Крестовский представил их как Алекс и Крис. Третий, наверное, Сергей, еще один сын Крестовского-старшего, его имя я про-

читала в завещании. Они не видят меня, и я очень сожалею, что невидимкой нельзя побыть подольше.

— Доброе утро, — здороваюсь.

Крис и Алекс мгновенно вскидывают головы. В их глазах светится обжигающая ненависть, словно я обманом влезла в их карман. Они мгновенно бросают недоеденный завтрак и демонстративно презрительно покидают кухню. Остается только Сергей, он невозмутимо поглощает, наверное, тройную порцию вафель.

— Анна Артемовна, садитесь. — Марина, не дрогнув, убирает тарелки Алекса и Крис, словно подобные фокусы они выделяют регулярно.

Если бы я попробовала так бросить завтрак, папа, наверное, дал мне подзатыльник, потому что в утренних вафлях концентрируется вся родительская любовь.

— Не видели Игоря Олеговича? — спрашивает Марина.

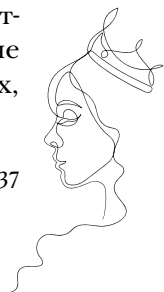
Она ставит передо мной тарелку с умопомрачительно пахнущими вафлями. Я чувствую на себе внимательный взгляд Сергея, но не смотрю на него, занимаюсь едой. Боже, какое шикарное вишневое варенье! Не приторное, с кислинкой, и целыми ягодками вишни. А кофе! Такого потрясного кофе я не пробовала в своей жизни вообще.

— Он наверху... м-м-м... со Стасей, — бормочу я.

— Стася приехала? А я ее не видела, прошмыгнула как быстро, надо же. И что, под горячую руку хозяйина попала? Ох, Стаська, когда-нибудь найдет на мягкое место приключений.

— Так она их и ищет. — Серж фыркает: — Затянулся поиск-то.

Экономка накрывает за столом еще два места, для Игоря и помощницы. Судя по всему, в этом неприветливом доме Марине нравится. Или привыкла? Я бы не смогла вот так год за годом готовить и убирать у тех, кто считает тебя человеком второго сорта.

Хотя мне придется так пять лет жить... чем оно лучше? Только что сортиры убирать не заставляют, так это пока. Нет, если станет совсем невыносимо, сбегу. Не властелин же мира этот Крестовский. Уеду в глухую деревню, не найдет. В Самару, к маминой тетке... или в Челябинск, просто потому что он далеко и там где-то рядом горы. Горы, они как-то успокаивают.

Мы в полной тишине едим, когда возвращаются Игорь и Стася. Я едва удерживаюсь, чтобы не уронить вилку, потому что помощница выглядит так, словно... ну, не знаю. Я с трудом прячу улыбку.

С лица исчезла вся косметика, теперь это лицо не сексапильной красотки, а молодой симпатичной девушки. Вместо вызывающе откровенного синего платья на ней строгое черное, закрывающее колени, а вместо каблучиц — черные лаковые балетки. Она улыбается мне и подмигивает, садясь рядом.

— Не зашел, — морщит аккуратный носик.

— Кто не зашел?

— Прикид.

Она показывает Игорю язык и хихикает, но на лице того не возникает даже тени улыбки.

— Еще раз увижу тебя в своем доме разодетую как шлюха — выпорю.

Он, похоже, всем это обещает. Фантазия, что ли, какая мучает.

Но Стася совсем не боится грозного шефа. Десять минут назад она играла раскованную светскую львицу, а сейчас, словно маленькая девочка, перемазалась вареньем и ест вафлю прямо руками, забавно оттопырив мизинчики. На самом деле такая Стася мне нравится куда больше, и я чувствую себя раскованнее.

— Нет, спасибо, — Игорь отставляет тарелку, — только кофе.

Марина беспрекословно убирает вафли, но Сергей, справившийся со своей горой, отбирает у нее тарелку брата и принимается уничтожать добавку.

— Так, все! — объявляет Стася. — Мы опаздываем, Аньк. Я договорилась с классным мастером, он примет нас до открытия салона, так что надо лететь-лететь. Игореша, ты нам вертолет не дашь, а то правда опаздываем?

— Еще раз назовешь меня Игорешей, пойдешь пешком.

Стася только отмахивается и чмокает начальника в щеку. Непосредственная девица, явно очень близкая к семье, простой помощнице не разрешают себя так вести.

— Завтра с утра, — говорит Игорь мне, — в мед-центр, поняла? Натощак.

Тут до меня доходит.

— А зачем для теста ДНК сдавать кровь натощак? — спрашиваю я. — ДНК-то от вафельки не меняется.

— А затем, что сдашь еще заодно анализы на ВИЧ, гепатит и все остальное. Я без понятия, как ты там работала и чем подрабатывала, но должен знать, кого пускаю в дом.

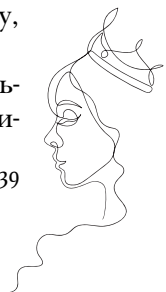
Я задыхаюсь от возмущения, руки сжимаются в кулаки от бессильной злости. Он сам привел меня в дом! Если я такая ненадежная и больная, зачем вообще весь этот цирк?!

Сама не зная, что делаю, я вдруг хватаю со стола перечницу, одним движением откручиваю крышку и высыпаю весь перец прямо в кофе Крестовского на глазах ошеломленных Марины, Стаси и Сергея.

Затем задираю нос — получается немного смешно и нелепо — и иду вслед за помощницей. Мне в спину доносятся редкие аплодисменты и смех Сергея, но они совсем не ободряют, и я спешу выскользнуть на улицу, где от смеха пополам складывается Стася.

— В следующий раз, — когда мы садимся в машину, говорит она, — сделай это, пока он не видит.

— Чего он ко мне прицепился? — бурчу недовольно. — Я не просила везти меня сюда и делать наследни-

цей, я впервые в жизни слышу о Крестовских! И нет у меня никакого гепатита...

Мы выезжаем за пределы особняка, и я тоскливо думаю о том, что от Стаси сбежать будет очень легко. Вот только как уехать из города? При мне нет денег, только кредитка Крестовского, а по ней он найдет меня мгновенно. Занять у девчонок на автобус или поезд? Да бред, вот так все бросать и срываться, слишком рискованно.

И еще — себе врать бессмысленно — передо мной, как морковка перед осликом, висит шанс на образование. Рядом с отелем есть универ, и частенько я приходила на работу вместе с первыми, особо усердными, студентами. Я с завистью смотрела, как они тащат на проверки огромные тубусы с чертежами, стоят в очереди на распечатку курсовых. Мне хотелось хотя бы на секундочку прикоснуться к их миру. Папа с нетерпением ждал, когда я поступлю, он любил говорить, что студенчество — самая беззаботная и веселая пора.

Отказаться от шанса оказывается так же сложно, как отпилить себе ногу.

— Ладно, ты мне нравишься, — хмыкает Стася и вырывает меня из невеселых раздумий, — я тебе помогу.

— С чем?

— Выжить в их семействе, разумеется. Итак, твои главные враги на ближайшие пять лет — Крестовские. Не надейся, что они тебя полюбят или примут, я хорошо их знаю. Одна мысль о том, чтобы отдать кусок своего состояния неизвестно кому, доводит их до зубовного скрежета. Но с ними вполне можно сосуществовать, особенно если доказать, что тебя голыми руками не возьмешь. Серж — пофигист. Он из них самый... как бы так сказать... приветливый. Обычно его не колышет ничего, что происходит вокруг, максимум — вставит ехидный комментарий. Сержа заботят его девки, стритрейсинг и любимый спортклуб, Олег

Александрович подарил ему на двадцать лет. Он там царь и бог. Как-нибудь сходим в гости.

Я сомневаюсь, что у меня возникнет желание идти в гости к кому-то из Крестовских, но молчу и слушаю, потому что Стасина инфа и правда может быть полезной.

— Крис — типичная богатая сука. Любит шмотки, бухать, отрываться, дорогие тачки и брюлики. Смыслом своего существования видит просрать как можно больше папочкиных денег. Правда, как-то отцу удалось засунуть ее в прошлом году в универ. Минусы: Крис может серьезно осложнить жизнь, эта тварь не имеет тормозов. Плюсы: она тупая. Ну, то есть вообще, вряд ли ее мозга хватит на что-то, кроме собачьей какашки под дверью, что неприятно, но не смертельно.

Я прячу улыбку. Стасе Крис совершенно очевидно не нравится. Не то чтобы наследница Крестовского понравилась мне, просто следует запомнить, что как минимум в отношении Крис Станислава не объективна.

— Алекс — это такая малолетняя богатая шпана. В основном пропадает на вписках и тусовках, в этом году тоже поступает, так что на пять лет геморрой, куда девать братика, Игореше не светит.

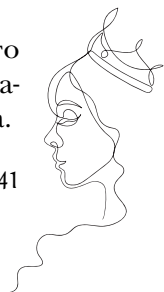
— А что сам Игорь? — спрашиваю я.

Мне действительно интересно, какую характеристику даст ему Стася, учитывая ее явную симпатию к шефу. Именно из-за этого ее слова удивляют:

— А Игорь — мудака. Я серьезно и без прикрас, два года назад его подружка угрожала покончить с собой. Орала в трубку «я спрыгну с крыши, сволочь», на что он ей сообщил, что на улице прохладно и стоит надеть куртку. А потом отключился.

— И она спрыгнула? — ахаю я.

— Да нет, — Стася отмахивается, — сказала, что ради такой сволочи асфальт мараф не будет, и забухала с каким-то негром на Кипре, всю ленту заспамила.

Я, наверное, никогда не привыкну к прямоте этой девицы.

— Но Игорь-то не знал, что так будет. В общем, если он не в настроении, достается всем. Ну а после смерти отца он как с цепи сорвался. Ну и, конечно, твое появление его не обрадовало. Я-то думала, ты любовница, а оно вон как... но я знаю Олега Александровича. Если он хотел, чтобы ты отучилась и получила целое состояние, ты его получишь, а все Крестовские будут молча беситься.

Я качаю головой и смотрю в окно, на пронсящие мимо деревья и знаки. В такой машине скорость совсем не чувствуется, а на спидометр мне просто страшно смотреть.

— А вообще, — Стася улыбается во все белоснежные зубы, — добро пожаловать в банку с пауками, Аня.

* * *

— Игорь Олегович, ваш кофе. — Марина ставит перед ним новую кружку с обжигающим напитком.

Надо выпить. Спокойно выпить кофе, пожелать экономке приятного дня и доехать до офиса. Только там можно дать волю эмоциям и расколотить пару чашек. Стася как раз купила новый сервиз, прошлый он расколотил за эту неделю.

Проклятая девка! Наглая, невоспитанная! Если бы не свидетели, он заставил бы ее выпить этот кофе, а потом как следует выпорол, чтобы остаток своего срока Калинина ходила, опустив глазки, и говорила, только когда разрешат.

Так, надо успокоиться. Надо как-то взять себя в руки и просто методично исполнять собственный план. Проверить ее у врача, узнать все о здоровье, чтобы ни одна болячка не проскочила мимо него. Сделать ДНК-тест и уже выяснить, сестра она ему или нет. Приодеть, отмыть, засунуть в какую-нибудь шара-

гу и забыть на пять лет, а потом уничтожить. Она, идиотка, профукает все, что получит от отца, за пару лет, а потом он позаботится, чтобы Анна Калинина и ее история не попались на глаза прессе или врагам.

Он помнил, как впервые к нему пришел Майк — адвокат отца. Вообще его звали Михаилом, Майком его прозвал Крестовский-старший, за сходство с музыкантом его юности.

Игорь тогда сидел за столом в кабинете отца, изучал дела, компанию, отчеты. Он не спал двое суток и, кажется, пил третью за утро кружку кофе. Сердце колотилось как бешеное от дозы кофеина и ярости, смешанной с болью. Как отец мог оставить его наедине со всем этим? Почему не подготовил? Почему они все были такими слепыми идиотами и не поняли, что он болен?

— Завещание, Игорь. — Майк положил перед ним папку.

Проклятый ублюдок, он знал, что скоро сдохнет, и никому не сказал!

Некоторое время — может, пять минут, а может, целую вечность — Игорь всматривался в текст завещания. У него глюки начались с недосыпа? Или он действительно видит это?

— Майк, какого хрена?! Кто она такая?

— Понятия не имею. Думаешь, я не спрашивал? Миллион раз. Олег говорил, что я не хочу этого знать. Надеялся, что никто никогда не узнает.

— Это бред какой-то. Даже Лиана получила свои отступные и уже наверняка планирует отпуск с новым любовником. Кто эта Калинина такая? Шлюха? Внебрачная дочь? Кто, Майк?!

Но адвокат только качал головой.

Еще одно предательство отца, еще одна тайна, которую он не счел нужным раскрыть главному наследнику. Бросил, как кость собаке. Разбирайся со всем сам, Игорь, а я больше не у дел.

— Это можно как-то оспорить? Закон разве позволяет вот так распорядиться, где жить и учиться чужому человеку?

— Можно, юридически завещание очень спорное.

— Составляй иск.

Уважать последнюю волю отца? Трижды «ха». Он хоть раз позаботился о детях? Хоть на минуту подумал, каково будет разгребать все это в одиночестве?

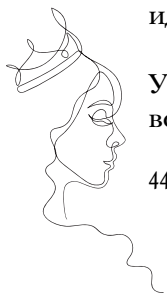
— На этот счет Олег просил меня сделать кое-что. Извини, Игорь, ты знаешь, что он для меня сделал и чем я обязан. Ты знаешь, что я его никогда не предаю. Если ты оспоришь это завещание и не заберешь девушку, то все состояние Крестовского-старшего отойдет благотворительному фонду. Он составил второе завещание, которое просил обнародовать, если ты откажешься забирать Калинину или... если что-то пойдет не так.

— Не так?! — Игорь почти рычал. — А если эта Калинина сама откажется от наследства? Она, между прочим, имеет на это право!

— Убеди. Десять процентов — это восемьсот миллионов. Она такие деньги не то что не видела, вряд ли даже слышала. Переведи ей в рубли и напиши на бумажке количество нулей. Олег говорил, девушка очень бедная, так что с этим не должно быть проблем.

Игорь так стиснул зубы, что показалось, они сейчас раскрошатся. Денег ему не было жалко. Прикажи отец отдать почти миллиард на благотворительность, без раздумий подписал бы бумаги. Что значит строчка в рейтинге богатейших людей страны? Подумаешь, одной выше, одной ниже. Потеря десяти процентов опустит семью Крестовских на некоторое время, но Игорь закроет дыру за несколько лет, если не будет идиотом.

Нет, потеря денег здесь не играла никакой роли. Унижение — вот что он чувствовал, вчитываясь в завещание. Даже после смерти отец распоряжался его

жизнью, жизнью всех своих детей. Поселить Калинину в доме, контролировать ее учебу, сделать отдельные счета и следить за их сохранностью. Даже сдохнув, он связал Игорю руки и выставил свои условия.

— Просто сделай то, что он просил, — от чистого сердца тогда посоветовал Майк. — Олег никогда не был идеальным отцом, как, впрочем, и другом. Но это было для него важно. Он каждую нашу встречу буквально умолял, чтобы я заставил тебя найти Калинину и сделать все, как он просил. Почему-то это было для него очень важно.

— Ладно, ищи ее. Дай ребятам задание, пусть узнают все об этой Калининой. Где живет, с кем живет, что жрет, с кем спит. Сначала дело ко мне на стол, потом я сам решу, как и когда с ней говорить.

Уходя, Майк обернулся:

— Это... Игорех, ты на отца не злился. Он не потому оставил тебе это, что наказать хотел, а потому, что доверял. Не знаю, почему она так была ему нужна, но поверь, он словно крышей тронулся в последние месяцы.

Сам того не зная, Майк сделал еще хуже. Значит, отец делился переживаниями с другом, но не считал нужным даже намекнуть сыну о грядущих переменах. Несколько лет Игорь провел в Штатах, развивая западный филиал, и только со смертью отца вернулся в Россию. Не успел выдохнуть, как Майк огорошил его этой Калининой.

В следующий раз адвокат пришел через неделю. Впрочем, слово «адвокат» мало подходило давнему другу семьи, ведь он держал целый штат юристов, экономистов, консультантов и детективов. Порой Майк разруливал такие дела, что оставалось только охреневать от того, как у него это получалось.

— Нашел? — сразу же спросил Игорь.

— Калинина Анна Артемовна, двадцать лет. Сирота, образование — одиннадцать классов, работает горничной в отеле.

— И как с ней связан отец?

— Понятия не имею. Я поднял все: ее родителей, родственников, друзей. Мать умерла пять лет назад, отец скончался год назад от онкологии, еще год до этого Калинина за ним ухаживала. Когда он умер, устроилась горничной и с тех пор место работы не меняла. Снимает квартиру вместе с другими девушками, довольно скромно живет, в скандалах и незаконных делишках не замечена. Перебивается с хлеба на воду, но в целом производит впечатление адекватной девицы.

— Почти лярд долларов кого хочешь превратит в неадекватного.

— Ох и завидую я этой девке, — усмехнулся Майк. — Почти Золушка.

— Золушка, — передразнил Игорь. — Золушка тут я. Пашу как конь, а платья и бал всем остальным достаются. Дай мне копию завещания, на неделе съезжу, поговорю с этой Калининой.

— А она симпатичная. Грязенькая, конечно, несуразная, в идиотских драных кедах, но симпатичная. Может, оставишь капиталы в семье? Приберешь к рукам вместе с наследством.

Игорь скривился. Вот уж меньше всего он хотел окучивать дурочку, случайно получившую состояние. Десять процентов — значительная часть денег семьи, но не такая большая, чтобы так напрягаться. Он хотел свести общение с Калининой к минимуму. Только необходимые усилия. Дать ей денег, комнату, оплатить обучение, скрыть от прессы, чтобы ни одна тварь не понесла в массы чудесное превращение из оборванки в принцессу.

— Пусть твои займутся прессой и безопасностью. Подчистите все, что может быть использовано против нас, — распорядился он. — Через неделю освободи вечер, нужно будет, чтобы она подписала контракт и ознакомилась с условиями завещания.

Майк кивал, записывая план действий в смартфон, а Игорь привычно раскладывал задачу на составляющие. Если все сделать правильно, это будет просто.

А потом он поехал на нее посмотреть. Остановился на ВИП-парковке рядом со служебным входом в отель и ждал. Даже музыку в салоне не включил, чтобы ни на что не отвлекаться. У Игоря не было фото, он забыл его в кабинете, в папке с личным делом. Все, что он помнил, — каштановые волосы. Обычные, как у сотен таких же, как она. У девок, которые не имеют возможности ходить к стилисту, не делают модные процедуры и не сверкают шевелюрой, как в рекламе шампуня. Просто волосы. Просто девка.

Сколько так сидел, не понял, но недолго. Когда схлынул основной поток народу, появилась она. Торопилась, почти бежала, сжимая в руке смартфон, из которого торчали старые, замотанные скотчем наушники.

И нет, у нее были не каштановые волосы. Это был шоколад с карамелью, густая копна выющихся волос, отдающих на солнце рыжиной. Перехваченные в небрежный хвост, они не сдавались и выбивались из прически непослушными прядями. Ни грамма косметики. Темные прямые джинсы, старые кеды с серебряными звездочками, белая майка и тонкий серебристый браслет на худом запястье.

Твою мать!

Сколько он перепробовал, пока наслаждался беззаботной жизнью богатого наследника? Десятки точно, на сотни, может, счет уже пошел. Он безошибочно определял тип, видел, что скрывается за брендовыми шмотками. Сущность не спрятать и не замазать косметикой. Под оберткой или швалью, или вот такая, как она. Там, где он отдыхал, такие редко встречались. Подружки приводили или сами пытались вкусить новой, тусовочной, жизни. Наденет мини, начешет колтун, подведет сажей глаза и, черт подери, смотрится

охрененно, но внутри-то все та же простушка, по-срать на каблуки и мохито, потому что сущность — кеды и апельсин. Или бутылка кефира, сдобная булка и мерцающие мальдивские звезды. Почему мальдивские? Откуда на Мальдивах кефир? А поди ж ты, фантазия так ярко ворвалась в голову, что захлестнуло дикое возбуждение.

Она зашла в отель, а Игорь достал планшет и забронировал там люксы на конец недели. Сразу все, ровно пять штук. Чтобы вариантов не осталось, чтобы увидеть ее вблизи, этот шоколад с карамелью.

А она, чтоб ее, люксы не убирает! Вот эта вот охренительно красивая девка убирает нищевородские стандарты, в то время как в люксах ковыряется мужиковатая тетка. Идиот у них там управляющий, что ли? Одно хорошо: мизерные зарплаты. Тетка чуть из кед не выпала, когда он предложил ей оранжевую купюру за то, чтобы та поменялась с Калининой номерами.

— А вы... вам Аня зачем? — спросила она.

Игорь чувствовал жгучее, терпкое раздражение. Боже, тебе-то какая разница? Трахнуть ее хочу. В люксе с видом на центр и панорамным окном. Чтобы весь, мать его, отель слышал, чтобы забыла собственное имя и выполняла все, что он прикажет, чтобы избавиться от навязчивых мыслей о том, как именно она выбила из отца такое наследство.

Невольно горничная подала ему идею, от которой каждая клеточка горела огнем. В таких отелях нередко горничные соглашаются развлечь богатого клиента за доплату. Интересно, если он предложит Калининой скрасить ночь, это избавит от мыслей о ней? Он перестанет вспоминать ее гребаные кеды и шоколадные волосы?

Калинина стояла к нему спиной, когда он вошел. Она склонилась с пылесосом, собирая пыль под креслом, и мешковатая форма горничной обтянула креп-

кие ягодицы. Из хвоста снова выбилось несколько прядок волос. Игорь стоял на пороге комнаты так долго, что пришлось делать над собой усилие.

Кто ты, мать твою, кто ты такая, шоколад с карамелью, и как связана с его отцом?

Глава 4

Стася — королева шопинга и веселья. Это я понимаю уже спустя час нашего похода по магазинам. Она готова смеяться по любому поводу и способна превратить выбор одежды в развлечение.

Я, словно в трансе, перебираю платья, каждое из которых стоит как моя зарплата, а она носится по магазину и щебечет:

«Вау, смотри, какая сумка!.. Ой, нет, я «Диор» не люблю, а вот косметика у них ничего такая, тоже зайдем, у меня пудра закончилась».

«Ой, жуть какая, повесь обратно, это не платье, а чехол от него».

«Смотри, какое платье, как у Меган Маркл... у порноверсии Меган Маркл».

Но перед тем как мы отправляемся за одеждой, заезжаем в какой-то салон, где меня целых два часа мучает забавный лысый дядечка маленького роста. Он носит ярко-красные очки и все время суетится, а еще зачем-то предупреждает, едва ли не с порога:

— Отвечаю сразу, милочка, я — натурал. Поэтому я знаю, что нравится мужчинам, и не спорь со мной!

Стася тут же вылезла:

— Может, ее покрасить в блонд?

Дядечка закатывает глаза, лицо его приобретает выражение крайней муки.

— Станислава, деточка моя, то, что ты вылезла из инкубатора одинаковых девиц, не значит, что все остальные должны следовать твоему примеру. Сделай

мне подарок, солнышко, сядь вон в то креслице, плесни себе в кофе коньячку и не мешай.

Я не сдерживаюсь и фыркаю, а Стаська, кажется, с видимым удовольствием подчиняется. Меня усаживают в кресло перед большим зеркалом и долго рассматривают.

— Хм-хм... да, пожалуй, это мы оставим. Здесь уберем. Ногти, да. Нюд. Матовый нюд и, возможно, свarovски, но по штучке на безымянный. Цвет шикарный, не вздумай красить волосы, мой сердечный приступ будет на твоей совести. Так, все, голову мыть, руки и ноги готовить.

Через два часа я смотрю на себя в зеркало, поражаясь, как маленькие изменения могут преобразить человека. Волосам придали форму, чуть подровняли и уложили их крупными волнами. При каждом движении они красиво ложатся на плечи. Каждый раз по-разному, но неизменно эффектно. Макияжа нет... с виду. То есть он есть, но я могу рассмотреть только тушь. Девчонки на работе красили ресницы, брови, губы, кто-то хорошо, кто-то неумело, но их макияж был виден, а я словно такой и проснулась. Чтобы рассмотреть невесомый и тонкий слой пудры, надо подойти вплотную и потереть мою щеку мокрым пальцем.

Ногти на ногах покрыты бесцветным лаком, а на руках красуется чуть розоватый матовый лак. На ногти безымянных пальцев наклеили по крошечному стразику.

В общем, теперь футболка, джинсы и кеды смотрятся на мне как-то... несуразно.

По окончании процедур меня поят вкусным чаем, дают наказ пить не меньше двух литров воды в сутки, хорошо спать, берут обещание каждые две недели приходить на обязательные процедуры типа маникюра, депиляции и чего-то там еще, выдают целый ворох уходовой косметики для всех частей тела и выпрова-

живают со словами «скоро первый клиент, девочки, вам пора».

— Так, это отдай Ване, — распоряжается Стася, — он все сложит в багажник и вечером выгрузит прямо тебе в комнату. Поехали закупаться шмотками. Игорь, скотина такая, испортил мне синее платье, так что придется купить новое.

Ваней оказывается амбал, который сидит за рулем. Я, к собственному стыду, не могу вспомнить, он привез меня в дом Крестовских или нет. Но сочувствую: вот работка у человека, возить малолетних наследниц по магазинам.

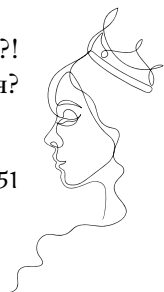
В конце концов я просто позволяю помощнице Крестовского рулить этим сумасшедшим утром. От меня все равно ничего не зависит, и даже если бы я захотела закупиться одеждой в каком-нибудь масс-маркете типа «Остин», никто этого не позволит. Рядом просто нет магазинов, в которые я обычно хожу. И все вокруг в огромном, но почему-то полупустом ТЦ сверкает роскошью. Тот самый тип торговых, где у обычного человека хватает денег только на футболку, и то — для собачки.

Не сказать чтобы это мне не нравится. Будет совсем лицемерно утверждать, что я бы с большим удовольствием померила платья на рынке и все эти роскошные наряды не вызывают во мне чисто девичий восторг. Просто ощущается это как внезапно свалившийся подарок. Как будто ты выиграла айфон за репост и кажется, что в самом этом факте кроется подвох. Мне предстоит потратить не свои деньги на вещи, в которых я ничего не понимаю. Это разбавляет искреннюю девичью радость.

Впрочем, у Стаси ее хватает на двоих.

Вот и сейчас, пока я стою и рассматриваю ценники (ничего не могу с собой поделать), Стаська прикладывает к себе платья и хмурится:

— Аньк, ну ты долго? Ты что, ничего не выбрала?! Слушай, мы тут уже час! Тебе ничего не нравится? Пойдем в другой магазин. Здесь есть «Шанель».

— Я чувствую себя странно, — признаюсь. — Может, не стоит сразу тратить целое состояние? Я не говорю о том, чтобы купить в Стоке, но... в «Заре»? Или... что там еще есть.

Помощница Крестовского закатывает глаза:

— Они сожрут тебя. Если ты не будешь соответствовать их кругу, то тебя сожрут.

Эти слова оставляют неприятную горечь.

— И что, я должна всю жизнь скакать на задних лапах, чтобы меня не сожрали?

— Ладно, объясняю по-другому. Ты можешь носить все, что хочется, и выглядеть так, как хочется. Ты от этого не поменяешься, но отношение многих мудаков вокруг — да. Когда ты приходишь в крупную фирму работать, ты одеваешься в костюмы и рубашки, когда ты едешь в Эмираты, ты не носишь бикини на улицах города, а когда ты идешь на утренник к ребенку, не надеваешь стрипы и прозрачное платье. Хотя Волочко-ва надевает. Но тебе до нее жрать и жрать. Так вот, можешь сейчас развернуться и пойти в свою «Зару», закупить там барахла и радостно его носить. И да, только ленивый не пройдет по твоему стилю. Если купишь то, что выбираю я, то просто избежишь неприятных моментов. Учитывая, сколько у тебя денег, я бы выбрала второй вариант.

Я долго молчу, перед глазами пляшут космические ценники. Но с тоской признаю, что Стася права. В мире людей, где моя месячная зарплата — это всего лишь балетки, я буду белой вороной. И как бы ни хотелось гордо показать всем характер, жить в постоянном прессинге сложно.

— Одежда — не самая страшная уступка, Ань, — неожиданно серьезно говорит Стася. — Тебе придется научиться себя подавать. Через пять лет у тебя будут миллионы. Ты думаешь, отец Игоря сдал тебя ему для того, чтобы дать тебе образование? Да еще и с непременным условием жизни в их семье? Он понимал, что

если такая, как ты, окажется наедине с огромными деньгами, они ее погубят. Эти пять лет — время, чтобы ты нарастила зубы и научилась себя защищать. Себя, деньги. Игорь ненавидит отца за это завещание, но поверь, пока оно действует, ты под надежной защитой. Используй это время. Научись выглядеть сногшибательно. Научись вести себя достойно. Прокачай мозги. Изучай людей. Пользуйся защитой Крестовских, потому что через пять лет ты окажешься одна в лесу, полном голодных волков.

— Убедила. — Я ежусь. — Тогда выбирай сама, что тут у вас носят. Я буду мерить и...

Я снова кошу на черное платье с вырезом-лодочкой.

— ...радоваться. Клевый магазин.

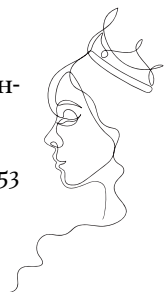
Стася смеется. Мы меряем тонны платьев, хохочем в примерочных, вызывая у консультантов невольные улыбки. Я мерю короткие платья, длинные, яркие и темные. Выясняю, что оттенки бежевого совершенно не мои, а красный, черный и голубой смотрятся потрясно. Стаська порхает вокруг, дает советы, совершенно удивительным образом комбинируя вещи и аксессуары. Она в своей стихии, ей это нравится, и я невольно проникаюсь энтузиазмом. Мне становится плохо, когда я пытаюсь подсчитать, сколько все это будет стоить.

— Крис спускает в три раза больше за неделю, так что не удивлюсь, если тебя встретят вопросом: «Ты что, купила только пижаму?»

Приветливая девушка несет все на кассу, чтобы упаковать и посчитать. Стася расплачивается за свои покупки, а я достаю кредитку Игоря и с ужасом понимаю, что пин-код, оставшийся в ежедневнике, совершенно не помню.

Блин!

— Я забыла пин-код, — вздыхаю в ответ на удивленный взгляд Стаси.

Та понимающе усмехается:

— Как мне нравится твой шок. Ща, погоди.

Она берет мой смартфон и что-то набирает.

— Вот, «Телеграм» Игоря. Спрашивай.

Я закусываю губу, живо представляя его реакцию.

— А может, я домой съезжу?

— Во-о-олки-и-и, Анна Артемовна, волки. Тебе придется говорить «нет, я не дам вам денег», «отвали, старый хрен» и «я вас всех, идиотов, уволю, если еще раз накосячите». Спросить пин-код — твой первый шаг к самоактуализации. Короче, не дрейфь. У нас еще впереди куча всего.

Вздохнув, я пишу на номер, который пока еще не имеет имени и аватарки, но в скором времени явно пропишется в моем телефоне. На самом деле я втайне надеюсь, что Игорь не ответит.

«Здравствуйте. Это Анна. Мне нужно оплатить одежду, а я, к сожалению, забыла пин-код от карты».

Не отвечай! Брось меня в бан! Ну пожалуйста-а-а!

Набирает сообщение. Боже, у меня сейчас случится сердечный приступ. Стаська хохочет.

«3118».

«Спасибо».

Фу-у-ух, это не страшно. И меня даже не окатили презрением.

— Ну вот и все.

Таким образом мы посещаем еще несколько магазинов. Я становлюсь обладательницей минимум десятка пар обуви, кучи платьев, рубашек, юбок, джинс, брючных костюмов.

— Меня очень напрягают суммы.

— Тогда я тебя добыю. Игорь не давал указаний насчет этого сейчас, но рано или поздно тебе придется выбрать что-то из ювелирки. Без украшений в приличном обществе не появишься.

В этом я сомневаюсь, потому что ювелирку мне носить некуда. На самом деле я тихо надеюсь, что мое при-

существование в доме станут тщательно скрывать и все эти наряды я буду носить в институт. Я и выбираю платья, в которых будет не стыдно появиться на парах. Пока Стася мерила одно из платьев, я тайком погуглила образы британских герцогинь, чтобы знать, на что ориентироваться. На мой вкус, получилось очень неплохо.

— Осеннюю одежду выберем потом, сейчас еще не сезон и нормальных коллекций нет, обувь тоже. Так, спортивная форма.

С этим соглашаюсь без проблем, в универе наверняка будут пары физры.

— Ты чем-нибудь занимаешься? — спрашивает Стася. Качаю головой.

— А такая тощая...

— А ты поживи на пятнадцать тысяч в месяц, при этом бегая по всей гостинице с пылесосом.

— Пятнадцать?! — ахает девушка. — Блин, ни фига себе зарплат, и как на это жить?

— «А такая тощая», — передразниваю ее я.

— Ну, как бы то ни было, на готовке тети Марины ты быстро превратишься в колобка. Значит, закончим с магазинами и поедем записывать тебя на спорт.

Я мысленно только стону, пока мы выбираем несколько спортивных костюмов, три купальника для плавания и зачем-то пульсометр. Бедный Ваня только и успевает таскать пакеты в машину, а я размышляю, влезем ли в нее мы со Стаськой или придется ехать на метро.

— Теперь пляж.

— Эй, притормози, откуда у нас пляж?

— Солнышко, у тебя куча денег, ты собираешься поступать, неужели тебе не захочется съездить с подружками на море?

Я молчу, потому что признаться, что никогда там не была, стыдно.

— Прости, красотка, но Игорь сказал упаковать тебя на все случаи жизни.

— Тогда пойдем купим свадебное платье. Если меня будут хоронить, то пригодится, — бурчу я.

— Ты что, девственница?

А теперь краснею. Стася снова хихикает.

Мы покупаем четыре (мне реально становится плохо) пляжных купальника.

— Раздельный белый, чтобы подчеркивать загар, — поясняет Стася. — Раздельный фиолетовый, чтобы цеплять мужиков, купальное платье в горошек, чтобы хулиганить, и танкини, просто потому, что они в этом сезоне модные.

К купальникам идет всякая мелочовка, на которую я даже не обращаю внимания. День только перевалил за полдень, а у меня болят ноги. Хочется есть, присесть и закрыть глаза, чтобы не видеть бренды-тренды-луки.

— Ну, вроде все. — Стася просматривает список в телефоне. — Одежда есть, обувь есть, спортивное есть, пляжное есть. Так... О, белье!

— У меня есть белье. — Я даже обижаюсь, потому что совсем недавно обновила все белье с очередной халтурки.

Может, я и небогатая, но точно ухоженная.

— И что, ты собираешься под платье от «Диор» нацепить лифчик от костромского текстиля? — мрачно интересуется Стася.

— Не от костромского, а от ивановского, — бурчу я. — Кто его увидит?

— Ну а вдруг? — философски фыркает девушка, и мы отправляемся в магазин нижнего белья.

Как и везде, нас встречают радостно и тут же предлагают кучу вариантов.

Вот белье — вообще не мое, я чувствую себя очень странно среди этого кружева, ленточек, страз и бусин. Большинство из того, что здесь выставлено, кажется мне жутко откровенным. Я понимаю, что это лишь внутренние комплексы, но не могу себя заставить хоть что-то выбрать. В дело вступает Стася:

— Тебе кто нравится? Игорь, Серж или Алекс?

— Что? Стася!

— Да шучу я, шучу, расслабься. Так, белое не смотри — жутко безвкусно. Под светлое бери айвори. Красный классический тоже не для тебя, ты же не из эскорта. Черное... да, пожалуй. Самые актуальные цвета: вот этот, серый металлик, фиолетовый и темно-зеленый. У тебя, наверное, двоечка... значит, вот это, это и это. И еще принесите всяких там сорочек, халатиков и прочего по размеру.

Я не спорю, лишь думая, что половину из всего выбранного Стасей никогда в жизни не надену. Или очень нескоро, будучи замужем, решусь порадовать мужа вот, например, этим темно-синим полупрозрачным комплектом.

— Кажется, все!

Наконец я выдыхаю. Пока бедняга водитель пропадает на стоянке, утрамбовывая покупки, мы сидим у большого фонтана в холле и пьем лимонад. Его нам принесли аж из ресторана прямо в магазин с бельем, потому что в какой-то момент стало так жарко, что я чуть сознание не потеряла. Стася копается в смартфоне, а я переживаю все произошедшее. Очень странные, новые и непонятные впечатления.

С одной стороны, я словно ребенок, получивший кучу подарков. Мне на самом деле не терпится все-все рассмотреть и примерить, отфоткать, сбросить девчонкам.

С другой — я не слишком понимаю, что со всем этим делать дальше. Обертку для конфетки сделали, а начинку в нее положить забыли.

— Так, к вечеру Игорь велел тебя привезти к нему в офис, на встречу с адвокатом. Тогда поехали к Сержу в клуб, запишем тебя на спорт, там и пообедаем. Хочешь что-нибудь купить еще?

Я пожимаю плечами. Хочу. Но молчу.

— А-а-ань? — чуткая Стася все чувствует. — По лицу вижу, хочешь.

— Игорь... Олегович сказал купить одежду и все такое, я купила. Остальное фигня.

— Ну мне-то по секрету скажешь?

Я вздыхаю:

— Книги. Я давно не брала бумажные книги. Вечерами очень скучно, а от ноута болят глаза.

— Я музыку слушаю, — беспечно откликается Стася. — В универе перечитала половину публички, нажралась на годы вперед. Я же филологический окончила. Вся такая из себя. Закончила и поняла, что на хрен никому не нужна со своей духовной организацией. Папа был изначально против филологии, поэтому я полгода помыкалась да и попросила пристроить меня куда-нибудь. Как раз Игорь дела принимал, местечко секретарши освободилось. Правда, прошлая с шефом спала, а я, как дура, сестренек его одеваю. Хотя с тобой интереснее, чем с Крис.

Она вдруг выхватывает у меня из рук смартфон и отбегает на несколько метров.

— Ты чего? — удивляюсь я.

Но Стася что-то быстро печатает. Я не сразу догадываюсь, кому она пишет, а когда понимаю, подскакиваю и бросаюсь за ней. Стася хохочет:

— Не бегай, я же упаду и лоб разобью!

— Поделом тебе!

Ноги так болят, что я вряд ли догоню неожиданно резвую и спортивную девицу, но, на мое счастье, возвращается Ваня. Он ловко ловит ее и отдает мне смартфон.

— Предатель, — бурчит Стася.

Но выглядит довольной.

Я смотрю «Телеграм». В переписке с Игорем появились новые сообщения:

«Я очень хочу купить книги. Можно?»

«Это твоя карточка, покупай что хочешь, и будь добра, прекрати ставить меня в известность о каждом своем чихе».

«Игореша, ты козел. Девочка тебя уважает. Книжек просит. Нет в тебе романтики».

— Стася!

«Станислава, если девочка хочет книжек, купи ей книжек, а я, мать твою, работаю. Еще раз напишешь с чужого телефона, уволю, и будешь у отца «утки» выносить, поняла?»

— Да не кипятись ты, он понял, что это я, — фыркает Стася.

Я отчаянно краснею.

— Но в целом я согласна. Поверь, когда Игорь решит, что ты тратишь лишку, он просто ограничит твой лимит. У него же все расходы в телефоне, о каждом списании эсэмэска. Пилик — купила туфли. Пилик — купила платье. Пилик — поела. А когда закупается Крис, там как выпрямившаяся кардиограмма «Пи-и-и-и-к!». Нон-стопом полчаса списывают. В общем, съездим в спортклуб, запишемся, пообедаем и поедем за книжками. Кстати, раз ты поступаешь, не забудь про всякие тетрадки и ручки и... ой! Анька! Сумки! Мы же тебе ни одного клатча не взяли!

Я чувствую острое желание утопиться в фонтане. Кажется, Ваня думает о том же, потому что мы переглядываемся и медленно плетемся вслед за Стасей.

Поездку в спортклуб я воспринимаю как избавление от пытки. В машине можно вытянуть ноги и закрыть глаза.

— Это клуб Сержа? А нельзя пойти в другой? Ему может быть неприятно, что я туда хожу.

— Сержу? Ему пофиг. Там понимаешь, как все хитро... В общем, только не пали, что я тебе все рассказала. Олег Александрович поощрял в детях благородные порывы типа открыть свое дело или заняться благотворительностью. Игоря он сразу готовил себе на замену, ну, тот в Штатах и жил, занимаясь филантропией. К нему вопросов не было, Игорь унаследовал компанию, шестьдесят процентов капитала и кучу не-

движки. Короче, он теперь неженатый сексуальный миллиардер с говеным характером. А Серж не унаследовал ни хера.

Я удивленно распахиваю глаза:

— Как это?

— Нет, ну не совсем, конечно. Пятикомнатная квартира в центре, вилла в Италии, что там еще?.. Тройка машин, драгоценности, семейные реликвии, коллекционные предметы, там завещание-то на триста страниц. Но не миллиарды. Свой капитал Серж получил уже давно, когда открывал клуб. Они так и условились, что Серж получает наследство заочно, открывает свое дело и дальше или его развивает без вливаний отца, или крутится как хочет. Он и открыл клуб. Только это не три зала и батут, а четыре корпуса. Каток, бассейн, фитнес-центр и тренажерка. Там же есть конференц-залы, теннисный корт, зал для выступлений, всякие пилон-студии, фитнес-ресторан, банкетные залы. В общем, это хороший загородный клуб.

— «Эдеа-Элит»? — Я вдруг вспоминаю известное и раскрученное название.

— Ага, он. Крутое место, туда ходят все наши. И Серж совершенно счастлив. Поэтому ему плевать на все, что происходит. Не знаю, почему он еще живет в доме со всеми. Удобнее, наверное, хотя, как по мне, лучше быть хозяином в своей квартире, чем иметь пару комнат во дворце.

Я перевариваю полученную информацию и понимаю, что мне предстоит еще много узнать о семье Крестовских.

— А что с Крис и Алексом?

— О, это самая мякотка, — усмехается Стася. — У обоих в завещании написано, само собой, закончить универ с дипломом. Кстати, неофициально — Игорю запрещено покупать им дипломы. Так вот, но мало Олегу Александровичу было дипломов, так он еще и требует от каждого открыть и раскрутить свое дело.

Ну то есть там такая схема: не хочешь дело — живи в доме Крестовских, получай отчисления и радуйся жизни, но под боком старшего братика. Хочешь отпочковаться от семьи, открой свой бизнес и получай свои миллионы.

— И как открыть бизнес без вложений?

— Ну там свои схемы, Игорь даст каждому из них, стоит только попросить. Но пока что Крис и Алекс предпочитают истекать ядом. Хотя, как по мне, они оба не в накладе. Оставь таким по восемьсот лямов просто так, они их просрут и прибегут за добавкой.

— Восемьсот миллионов?

— Ага, по десять процентов каждому. Шестьдесят процентов Игорю, десять процентов Крис, десять — Алексу, десять — тебе, еще пять процентов идут на погашение каких-то там личных долгов, отступные любовнице, приятные подарки друзьям, организация похорон и все такое, пять процентов фондам, которые он курировал, ну там всякие благотворительные. Вся недвижка остается в семье, кроме недвижки Сержа, а драгоценности покойной Крестовской переходят всем поровну. Для Крис и для будущих жен парней.

— Вот это да. — Мне сложно осознать размеры такого состояния. Не очень-то укладывается в голове, как человек способен столько заработать.

— Восемьсот миллионов... десять процентов... Значит, состояние Крестовского было восемь миллиардов?

— Долларов, — кивает Стася. — Игорьку осталось чуть меньше пяти, и мы с нетерпением ждем, просрет он их или вернет к прежнему уровню. Но по справедливости там не только деньги, но и сами фирмы. Не думаю, что у Крестовских чистыми лежит бюджет небольшой страны. В обороте, в бизнесе, в недвижимости.

— Восемьсот миллионов... — Я перевожу эту сумму в рубли и понимаю, что скоро сойду с ума от непонимания, почему я?!

Ошибка исключена, такой, как Игорь, проверил все десять раз. Но почему?! Почему для его отца было важно оставить мне эти деньги? Неужели у них с мамой действительно был роман?

Снова начинает болеть голова. Шея в постоянном напряжении, с тех пор как я стала работать горничной, частенько болел позвоночник. Бассейн придется весьма кстати.

Мы выходим из машины. Клуб Сержа действительно очень большой, а еще на территорию не пускают машины, и Ване приходится высадить нас и ехать на парковку. Перед четырьмя двухэтажными комплексами раскинулся огромный ухоженный сад.

Вход на территорию — только по пропускам. В главном корпусе, за стойкой администратора, нас встречает красивая рыжеволосая девушка. Я ступаю по зеркально натертому полу и, кажется, понимаю, о чем говорила Стася. Мне очень неловко стоять посреди этой роскоши в старых кедах и футболке.

— Машунь, привет, солнце. Знакомься, Анька. Ей надо на спорт какой-нибудь, ну и так, клубную карту максимального ранга.

От меня не укрывается, как скептически Маша меня осматривает.

— Стасеньш, я тебя люблю, но...

Ага, мы приближаемся к знаменитой сцене из «Красотки». Мне начинать выгребать из карманов смятые купюры или можно сразу начать рыдать?

— Машка, ща Серегу позову, честное слово! — хмурится Стася. — Будешь выделяться. Давай, шевели задницей, у этой «но» бабла больше, чем у тебя в сиськах силикона.

Она вдруг набирает воздуха в легкие и орет:

— СЕЕЕЕРЖ! СЕРЕГА!

— Тихо ты, шеф занят! — шипит Маша. — Давай сюда паспорт своей Аньки, если сможет оплатить, хоть годовую карту сделаю.

